

ПРАКТИКА

СИНТАГМА – ПУЭРТА ДЕЛЬ СОЛЬ – СИНТАГМА *

Савас Михаил-Матсас – генеральный секретарь Рабочей революционной партии Греции (ЕЕК)

В декабре 2008 года, когда уже вовсю шли приготовления к Рождеству, на площади Синтагма (Конституции) в центре Афин,

перед зданием национального парламента, огромная рождественская елка, установленная правым афинским мэром Никитасом Какламанисом (мэр хвастался, что этот образец китча – самая высокая рождественская елка в Европе), вспыхнула «огнем, горящим в глубине полночной чащи»¹, подожженная восставшей молодежью в ходе массовых волнений, ознаменовавших тот незабываемый месяц. Это была одна из самых блистательных и символических акций греческого декабрьского восстания.

В мае 2011 года там же снова неожиданно «рвануло»: начиная с 25 мая, каждый день десятки (а позднее и сотни) тысяч людей стали собираться на Синтагме (и на центральных площадях большинства крупных городов по всей стране), протестуя против новой волны мер «социального каннибализма», которые пресловутая «тройка» МВФ – ЕС – ЕЦБ (Европейский центральный банк) стремится навязать греческому народу руками правительства ПАСОК. Меры по спасению финансовой системы Греции, предпринятые в мае 2010 года, оказались, несмотря на жесточайшее урезание зарплат, пенсий, сокращение рабочих мест и ухудшение жизни огромного большинства, абсолютно неспособны предотвратить дефолт, и призрак катастрофы продолжает нависать не только над Грецией, но и по всей Европе и за ее пределами...

Греческое «движение площадей», или движение за «прямую демократию сейчас», было вдохновлено испанскими «возмущенными» (indignados) – движением «15-М» (15 мая), потребовавшим «реальной демократии сейчас» в противовес существующей политической системе и оккупировавшим центральную площадь Мадрида – Пуэрта дель Соль, площади в Барселоне и других крупнейших городах Испании. Мобилизации в Испании (и Греции) следовали (в том числе в организационных методах) примеру каирской площади Тахрир – центра египетской революции, свергшей диктатуру Мубарака. Начали материализоваться худшие страхи правящих классов в Европе и предсказания революционных марксистов, включая ЕЕК: революция перемещается с южного берега Средиземного моря на северный.

* Оригинал: <http://www.eek.gr/default.asp?pid=6&id=1329>

¹ Цитируется стихотворение В. Блейка «Тигр» (здесь первая версия перевода С. Маршак). – *Прим. перев.*

От банкротства...

Когда во время декабрьского восстания 2008 года «самая высокая рождественская елка в Европе» горела на площади Синтагма, на стене Афинского университета появилась надпись – рождественское поздравление революционной молодежи правящим классам мира: «Счастливого кризиса и новых страхов!» (*"Merry Crisis and a Happy New Fear!"*).

Восстание в Греции в декабре, вслед за крушением Lehman Brothers и обвалом мировой финансовой системы, было справедливо охарактеризовано тогдашним (ныне бесславно низвергнутым) главой МВФ Домиником Стросс-Каном как *«первый политический взрыв, ставший результатом нынешнего всемирного экономического кризиса»*.

Международному финансовому капиталу, и в особенности капиталистическому руководству основных стран Евросоюза, было очень хорошо известно, что греческая экономика – «слабейшее звено» в цепи еврозоны, и ожидающие ее мрачные перспективы в условиях глобального кризиса угрожают будущему европейского капитализма в целом и прежде всего – будущему оказавшихся в слишком рискованном положении немецких и французских банков, входящих в самое ядро ЕС. Есть основания считать, что власти ЕС знали реальную ситуацию уже за много месяцев, если не лет, до того, как новоизбранное «социалистическое» правительство Папандреу в конце 2009 года раскрыло «творческую бухгалтерию» предыдущего (правого) правительства Караманлиса и объявило, что экономике страны грозит дефолт. В феврале 2009 года, когда декабрьское восстание подходило к концу, тогдашний министр финансов Германии, член СДПГ Штайнбрюк передал своему «товарищу» Георгиосу Папандреу, в то время лидеру официальной оппозиционной партии – ПАСОК, всю информацию, свидетельствующую о катастрофическом состоянии греческой экономики. Поскольку эти тайные беседы велись тогда же, когда завершались последние сражения декабрьского восстания, очевидно, что после того, как правительство Караманлиса доказало на деле свою полную неспособность удержать контроль в чрезвычайной ситуации, лидеры Германии и ЕС беспокоились об опасностях, которыми был чреват новый взрыв; поэтому им было нужно подготовить альтернативное правительство, более приемлемое для народа, чтобы справиться с наступающим кризисом, и наилучшим из имеющихся кандидатов была возглавляемая Папандреу ПАСОК.

Комиссары ЕС Хоакин Альмуния (в июле 2009 года) и Олли Рен (в сентябре 2009 года, накануне октябрьских парламентских выборов в Греции) беседовали с Папандреу, предупреждая о колоссальном дефиците и долговых проблемах страны. Когда Папандреу в ходе приведшей его к власти избирательной кампании утверждал, что «есть много денег» для финансирования кейнсианских мер в интересах народных

слоев, реальное положение дел было ему хорошо известно. И до того, как разразился долговой кризис, и впоследствии, вплоть до сегодняшнего дня, он не прекращал эту тайную дипломатию со своими хозяевами в ЕС и МВФ, проводя в жизнь их указания и одновременно продолжая лгать народу.

В мае 2010 года Европейская комиссия, ЕЦБ и МВФ представили пакет мер по спасению финансов Греции на сумму 110 миллиардов евро, утвержденный правительством Папандреу в пресловутом «Меморандуме», где предусматривались драконовские меры в отношении заработных плат, пенсий, рабочих мест, социальных услуг и условий труда. «Меморандум» обездолил множество людей, но жалким образом провалился в достижении заявленной цели – спасения Греции от государственного банкротства. Как бы то ни было, творцы этого монстра прекрасно знали, что долги Греции непосильны и что глубокий спад, к которому принудительная «внутренняя девальвация» приведет ее привязанную к евро экономику, еще намного ухудшит уже бедственную ситуацию.

Целью майских (2010 года) мер по «финансовому спасению» было не предотвращение греческого дефолта как такового, но спасение европейской банковской системы, прежде всего – французских и немецких банков, слишком уязвимых как держатели греческих долгов, и создание «огневого заграждения», которое защищало бы от заразы европейскую периферию и еврозону в целом. Когда в ноябре 2010 года о срочном «спасении» была вынуждена просить Ирландия, было уже ясно (и мы в ЕЕК, анализируя ситуацию, тогда говорили это четко и в полный голос), что «превентивная операция» по «спасению» Греции провалилась, и снова, в более острой форме, чем когда-либо, заявил о себе долговой кризис еврозоны. Затем последовало «спасение» Португалии, и тема неплатежеспособности Греции опять вышла на первый план.

«В мае 2010 года», – пишет Алина ван Дейн в Financial Times, – «в еврозоне разразился долговой кризис, и рынки резко упали. Боялись дефолта Греции, Португалии, Ирландии и даже Испании по их государственным облигациям [...] последствия для процесса восстановления после кризиса 2008 года были столь тяжелы и глобальны, что Федеральная резервная система решила потратить дополнительно 600 миллиардов долларов, чтобы поддержать экономику США. Происходит ли то же самое в мае 2011-го?» (Financial Times, 25 May 2011, p. 16).

Происходит в действительности то, что беспрецедентные интервенции со стороны правительств и центральных банков, после крушения Lehman Brothers и глобального финансового обвала вбросивших на рынок триллионы долларов, наводнивших его ликвидностью в рамках «пакетов мер по стимулированию экономики», «пакетов спасательных мер», «количественного смягчения» и т. д., не смогли остановить и обратить вспять падение системы в пропасть. Все эти попытки не только были бесплодны, но и сработали как бумеранг.

Операция по сохранению системы путем перевода частного долга в государственный привела к гигантским бюджетным дефицитам и беспрецедентному кризису суверенного долга как в Европе, так и в Америке. Греция – малый образ того, что происходит с глобальным капитализмом. Наводнение рынка ликвидностью не привело к сколько-нибудь устойчивому восстановлению американской и мировой экономики. Наоборот, по последним данным, безработица в США и Европе продолжает расти, в американской экономике происходит спад, в то время как Китай ужесточает финансовую и бюджетную политику, чтобы противостоять инфляции и не допустить резкого снижения темпов роста.

Массированная государственная интервенция оказалась не в силах оживить капиталистическую экономику, испытывающую кризис перенакопления: ее результатом стали главным образом новые спекулятивные «пузыри» как на Севере, так и в особенности на глобальном Юге, где инфляционное давление обострило социальные противоречия, что привело к социально-революционному взрыву в Северной Африке и на Ближнем Востоке – новому этапу мировой революции, который уже кардинально меняет «геополитику» этого важнейшего стратегического региона планеты и сейчас приходит на северные, европейские берега Средиземного моря.

Греция опять стала стартовой точкой очередной фазы европейского и глобального кризиса, вызвав к жизни предчувствие новой финансовой катастрофы мирового масштаба, наподобие краха Lehman Brothers. Год спустя после принятия первого пакета мер по «финансовому спасению» Греции ни один из намеченных в «Меморандуме» финансовых показателей не был достигнут: долг подскочил со 110% ВВП до почти 160%, экономика, умирая от удушья, погрузилась в глубокую рецессию, и греческому правительству пришлось просить о новом «спасении», чтобы избежать надвигающегося вынужденного дефолта. До конца 2013 года требуется сумма в 60–70 млрд. евро (согласно рейтинговому агентству Fitch – около 100 млрд.); половину ее предполагается собрать посредством масштабной программы приватизации государственных активов, другую половину – получить от ЕС и МВФ.

Возобновившийся и обострившийся долговой кризис Греции и еврозоны выявил как глобальные масштабы проблемы, так и глубокие расхождения, существующие между ЕС и МВФ, между ЕЦБ и европейскими (в частности, германскими) политическими лидерами, среди правящих классов ЕС и внутри самой греческой буржуазии. Одна часть капиталистического класса в ЕС, англосаксонских странах (среди тех, кто делал ставки на дефолт Греции) и самой Греции добивается реструктуризации, регулируемого дефолта с одновременным отказом от евро и возвратом к драхме, с целью, по-видимому, разорвать порочный круг долга и дефицита путем повышения греческой конкурентоспособности и роста экспорта – цель довольно сомнительная в сегодняшних неблагоприятных условиях, когда спрос на мировых рынках падает. Другая часть во главе с ЕЦБ выступает против любой идеи реструктуризации, боясь,

что дефолт в каком угодно виде перекинется как зараза на другие «спасаемые» страны – Португалию и Ирландию, но особенно – на Испанию (четвертая по величине экономика в ЕС) и, возможно, даже Италию (третья по величине экономика в ЕС, недавно пониженная агентством Standard & Poors в рейтинге с AAA до «негативного прогноза»), что нанесет сильнейший удар по хрупкой европейской банковской системе и по странам, образующим ядро ЕС, – Германии и Франции.

Член дирекции ЕЦБ Лоренцо Бини Смаги выступил с предупреждением: *«Реструктуризация долга или отказ от евро были бы равносильны смертному приговору [...] дестабилизирующий эффект мог бы оказаться исключительно сильным. Экономисты, полагающие, что этот эффект можно было бы удержать в каких-то рамках, подобны тем, кто в середине сентября 2008 года утверждал, что рынки вполне подготовлены к падению Lehman Brothers»* (Financial Times, 30 May 2011, p. 3).

Нет сомнений, что с наиболее серьезными последствиями возобновления долгового кризиса столкнется ЕС. *«События в Греции поставили зону евро перед выбором»*, – заявил в Гамбурге 20 мая президент Бундесбанка, член совета управляющих ЕЦБ Йенс Вайдманн (Financial Times, 25 May 2011, p. 9). – *«Характер Европейского валютного союза в будущем зависит от того, как мы справимся с этой ситуацией»*.

Варианты выбора, по словам Мартина Вулфа, «невыносимы»: *«Еврозона стоит перед выбором из двух невыносимых вариантов: либо дефолт и частичный роспуск, либо бессрочная официальная помощь [Греции и другим неплатежеспособным членам еврозоны]»* (Financial Times, 1 June 2011, p. 9).

Вольфганг Мюнхау пишет прямо: *«Либо ЕС и МВФ продолжают выделять средства Греции так долго, как потребуется, либо Греция будет вынуждена объявить жесткий дефолт. [...] Продолжение помощи со стороны ЕС и МВФ обернется для Греции видимой потерей экономического суверенитета. [...] Реальный выбор сводится к следующему: уменьшение еврозоны до ее германского ядра или политический союз»* (Financial Times, 30 May 2011, p. 9). Первый вариант является самоубийственным не только для проекта ЕС в целом, но и для самой Германии, которая тогда потеряет свое экспортное преимущество; второй, как показал весь ход кризиса 2008 и последующих годов, представляет собой реакционную утопию.

Соглашение «в духе Вены» (наподобие достигнутого ранее в столице Австрии по восточноевропейскому долговому кризису) о рефинансировании греческого долга, предполагающее обмен облигаций с наступающим сроком погашения на новые без отказа от выполнения обязательств перед инвесторами, – это, по-видимому, тот компромисс, который будет пока что принят, чтобы избежать дефолта Греции в июле.

Новый «пакет спасательных мер», однако, сопровождается *«беспрецедентным внешним вмешательством в греческую экономику, включая международное уча-*

стие в сборе налогов и приватизации государственных активов» (Financial Times, 30 May 2011, p. 1). Говорить о каком-либо суверенитете становится издевательством, Греция открыто понижается в статусе до протектората под прямым управлением ЕС и МВФ на условиях намного худших, чем то было при ненавистной «тройке» до сих пор.

Но это легче сказать, чем осуществить: **важнейший фактор – вмешательство масс на той арене, где решается их судьба.**

...к подъему масс

Декабрьское восстание 2008 года было лишь прелюдией. На протяжении года, предшествовавшего «Меморандуму» МВФ/ЕЦБ/Еврокомиссии и правительства ПАСОК, и года, когда этот «Меморандум» выполнялся (2010–2011), боевой дух рабочего класса был продемонстрирован – но и ограничен – примерно десятком 24-часовых всеобщих забастовок протеста, организованных профсоюзной бюрократией объединений ГСЕЕ и АДЕДИ, управляемых ПАСОК. Недовольство людей росло по мере исчезновения иллюзий, что победы можно добиться простой демонстрацией силы, как раньше (например, в 2001 году, когда однодневной всеобщей стачкой удалось отбить предыдущую попытку наступления на пенсионные права). Сепаратные, сектантские, бюрократически контролируемые и притом бесплодные мобилизации, проводившиеся ПАМЕ – профсоюзной фракцией сталинистской Компартии Греции (ККЕ), усилили это массовое недовольство, и публичные мероприятия сталинистов, как стало хорошо заметно в марте 2011 года, начали хиреть. Слепое насилие со стороны отдельных элементов, – проявившееся, например, в трагических событиях во время всеобщей забастовки 5 мая 2010 года, когда трое служащих погибли, задохнувшись дымом, в банке Margin после того, как туда был брошен «коктейль Молотова», или в поджоге популярного рынка на улице Каллидрому в районе Эксархия 14 мая 2011 года, – привело к параличу анархистское движение.

Государственные репрессии нарастали с каждой новой всеобщей забастовкой; кульминацией стала оргия насилия со стороны полицейских спецподразделений 11 мая 2011 года, когда один молодой человек получил почти смертельную травму, десятки были отправлены в больницы с серьезными повреждениями и центр Афин в очередной раз превратился в душегубку из-за массированного применения полицией огромных количеств слезоточивого газа. Одновременно неонацистская группа «Золотой рассвет» под прикрытием полиции устроила 12 мая настоящую «хрустальную ночь»: иммигрантские сообщества и принадлежащие иммигрантам магазины подверглись налетам, рабочий из Бангладеш был убит, а многие другие иммигранты, особенно «цветные» или «черные», избиты толпой линчевателей на площади Омония, в центре Афин.

Первые две недели мая 2011 года были временем господства государственного террора и опекаемых государством фашистских банд, в то время как большинство народа оставалось в глубоком социальном отчаянии и злобе.

Внезапно, непредсказуемо, как и в арабских странах или Испании, в последние недели мая – в начале июня мощный подъем «движения площадей», действовавшего по примеру «движения 15 мая» на Пуэрта дель Соль и других площадях Испании, резко изменил весь политический пейзаж.

Десятки, а позднее – сотни тысяч людей собирались, многие – впервые в жизни, на Синтагме и центральных площадях крупнейших греческих городов: в Салониках, Патрах, Волосе, Халкиде, Ламии, Превезе, в городах Крита и по всей стране. Впервые после декабря 2008 года возникло такое массовое движение в национальном масштабе – сильно отличающееся, однако, от прежнего молодежного протеста.

В декабре 2008 года восстала молодежь, лишенная будущего, безработная или занятая на временных работах, постоянно преследуемая полицией. Это был бунт тех, кто оттеснен на обочину социальной жизни системой, переживающей упадок и кризис, восстание «аутсайдеров» – хотя и не изолированного меньшинства: без массовой поддержки большинства в условиях растущих социально-экономических трудностей и усиливающегося неприятия политики правительства правых молодежь не могла бы продолжать протесты в течение многих недель, даже месяцев, по всей Греции, с нападениями на полицейские участки и банки.

Но в мае 2011 года восстали не «аутсайдеры» господствующего общественного строя, но так называемый «*мейнстрим*», по большей части – представители «средних классов», в массовом порядке, мирно, независимо от любых политических или профсоюзных организаций (а иногда и с открытой враждебностью к ним) мобилизующиеся, используя Интернет, Facebook и другие средства создания социальных сетей, и выходящие на площади по примеру мадридской Пуэрта дель Соль и «арабской весны».

Буржуазные средства массовой информации, правая оппозиция, ультраконсервативная и шовинистическая церковь, разнообразные националистические группы крайне правых, даже само правительство ПАСОК первоначально пытались «присвоить» это движение, восхваляя его «национальный», «ненасильственный» характер и особенно антипартийные и антипрофсоюзные позиции: когда в первый день мобилизации, 25 мая, бастующие рабочие ДЕИ (национальной электрической компании, которой грозит приватизация) пришли на Синтагму, собравшиеся «возмущенные граждане» стали выкриками прогонять новоприбывших с площади.

Правящие круги и их СМИ сознательно пытались противопоставить мирный май 2011 года «насильственному» декабрю 2008-го – так же, как французская буржуазия противопоставляла «отвратительную революцию» парижского пролетариата в июне 1848 года «симпатичной революции» февраля 1848-го, когда все классы, включая и

буржуазных и мелкобуржуазных демократов, и рабочий класс, были едины в противостоянии старому режиму.

Но «симпатичный» май 2011-го становится все «отвратительнее» по буржуазным стандартам. С ростом числа присоединившихся к «возмущенным гражданам», с превращением собрания на Синтагме в непрерывное круглосуточное – все отчетливее видна происходящая радикализация движения в целом. Это проявилось, в частности, и в самоорганизации народа на площади, и в работе открытой и массовой «генеральной ассамблеи», проводящейся с 9 часов вечера до 2 часов ночи с тысячами участников.

Антипрофсоюзные лозунги отброшены, подавляющим большинством принимаются решения об акциях солидарности с бастующими (например, докерами в намеренном к приватизации пирейском порту) или оккупирующими предприятия (например, в «Постбанке») рабочими, расистские антииммигрантские или крайне правые элементы отвергаются и освистываются собравшимися «возмущенными гражданами». Голосованием на «генеральной ассамблее» огромным большинством поддержаны лозунг и баннер, призывающие к бессрочной всеобщей политической стачке с целью свергнуть правительство и вышвырнуть «тройку» МВФ/ЕЦБ/ЕС.

Подавляющее большинство одобрило в качестве главной задачи движения аннулирование всех внешних долгов, отвергнув предложение реформистских «левых экономистов», выступавших за аннулирование только так называемой «незаконной» части долгов по примеру Эквадора.

В одном из ключевых голосований определялся главный лозунг – «Реальная демократия сейчас!», как на Пуэрта дель Соль, или «Прямая демократия сейчас!» Большинство поддержало «прямую демократию»; более того, не столь уж незначительное меньшинство (не только сторонники ЕЕК) выдвинуло требование «власти рабочим».

Несмотря на то, что на Синтагме все еще не допускаются партийная символика и печать, нелепо называть это массовое движение «неполитическим», как утверждает сталинистская ККЕ. Наиболее политизированные участники собираются на нижней площадке Синтагмы, перед выходом из метро, и там же проходит перманентная «генеральная ассамблея», в то время как менее «непосредственно политическая» часть и националисты с греческими флагами и лозунгами сосредоточены на верхней площадке, перед зданием парламента. Наблюдается контраст и одновременно «диффузия» людей на двух площадках, иными словами, диалектическое взаимоотношение, процесс общей радикализации и объединения, в особенности в акциях прямого действия (например, когда был заблокирован выход из парламента, и депутатам пришлось ускользать через другую дверь и Национальный парк).

Нельзя забывать, что в любом подлинно народном движении массы выходят на «поле боя» со всеми их предубеждениями и предрассудками. Не всякий, кто держит в

руках греческий флаг, – правый националист. Не допуская капитуляции перед обскурантизмом и реакционными шовинистическими предрассудками, мы должны понять движущие противоречия этого беспрецедентного массового движения. Международный финансовый капитал и его институты (МВФ, ЕЦБ и ЕС) превращают страну в лишенный самостоятельности протекторат и опускают народ Греции в унижительную бедность. Есть разница между националистическим ультраправым участником антииммигрантских погромов с греческим флагом – и пауперизованным мелким буржуа или рабочим, поднимающим тот же самый флаг, видя связь между своей личной катастрофой и тотальным унижением греческого народа, к которому его принуждают иностранные ростовщики и их местные коллаборанты, как во времена нацистской оккупации страны в 1940-х.

«Антипартийная» позиция не просто «консервативна и аполитична», как заявила в одном интервью генеральный секретарь ККЕ Папарига. Мы должны понять содержащееся в этой позиции противоречие. С одной стороны, конечно, не бывает политики без открытой дискуссии и конфликта между разными политическими программами, разными политическими перспективами и неизбежно – между противостоящими или союзными друг другу политическими общностями, организациями, партиями, включая революционную партию, объединяющую наиболее боевые и сознательные элементы авангарда пролетариата. С другой стороны, «партии» в сегодняшнем массовом общественном сознании отождествляются с коррумпированной партийно-политической системой, несущей ответственность за разрушенные жизни людей, и с политической неспособностью официальной бюрократической левой, которая привязана к этой системе парламентаризма и на которой лежит груз ряда трагических поражений в прошлом, представить убедительную альтернативу. Подлинная рабочая революционная партия – не самозванное или, еще хуже, навязанное классу руководство, но, как отмечал Троцкий в статьях о Германии, партия, борющаяся в гуще масс, не ставящая себе целью подменить массы в их исторической освободительной роли, но ежечасно доказывающая им на практике свое право возглавлять их на революционном пути.

Меры «социального каннибализма», вводимые правительством «социалистов» при открытой поддержке крайне правой партии ЛАОС, одобряемые также, несмотря на популистскую демагогию, правой «Новой демократией» Самараса, уничтожают рабочие места и разрушают жизни миллионов – в среде как «среднего класса», так и рабочего класса. Тотальное разорение огромного большинства народа, – при открытом соучастии коррумпированной буржуазной парламентской системы, буржуазных партий, сменяющих друг друга у власти десятилетиями, при потворстве профсоюзной бюрократии, когда реформистская и/или сталинистская левая, отчужденная от большинства людей, справедливо воспринимается как составная часть проблемы, а не источник ее решения, – создает обстановку, порождающую нынешний «великий от-каз».

Характер глобального кризиса, тупик и банкротство капитализма – вот источник этой тотальной атаки со стороны «верхов» и тотального массового отторжения системы со стороны «низов», как мелкобуржуазных, так и пролетарских. Это не позволяет правящим кругам получить массовую поддержку «средних слоев» против пролетариата, как в свое время Тэтчер или (на первых порах) Пиночету. Не только данное правительство ПАСОК, но **любое** буржуазное правительство в духе обсуждаемых господствующим классом альтернатив («правительство национального единства», коалиционное правительство ПАСОК и «Новой демократии», правительство технократов, даже «правительство национального единства», остающееся на капиталистической почве) не может быть стабильно – именно потому, что банкротство капитализма не позволит сделать какие-либо существенные уступки ощутимой части населения.

Слабость правления буржуазии – парадоксально, но диалектически – оказывает одновременно его сильной стороной. Та неоднородная масса народа, которая восстала против правящих кругов, не сможет открыть социалистический выход из сегодняшнего тупика без гегемонии рабочего класса, вооруженного переходной программой и интернационалистской коммунистической перспективой. Было бы катастрофой, если бы пролетариат и его авангард отмахнулись от мелкобуржуазных масс, от их социальных требований и демократических «чувствительных мест»; пролетариат (работающие, временно занятые и безработные пролетарии) как «всеобщий класс», поднимающийся выше любой групповой ограниченности, должен политически возглавить нацию обездоленных, борющуюся за социальную справедливость, свободу и достоинство, утверждая «всеобщую человеческую эмансипацию как необходимое условие всякой частичной» – по бессмертному первому определению перманентной революции, данному Карлом Марксом.

Чтобы добиться этой гегемонии рабочего класса, мы не сможем обойтись без партийной политики и борьбы за прояснение политических целей массового движения. Несмотря на законный гнев «возмущенных граждан», направленный против существующей партийной системы, необходима Партия перманентной революции, выступающая не как самозванный «спаситель» и будущий диктатор, но как инструмент социалистической революции, идеологическая лаборатория освободительного движения. Только социальная революция откроет перед прямой демократией будущее. Ей необходим инструмент – боевая партия мировой перманентной революции, которая строится среди масс, массами, ради самоэмансипации масс. Таковы цель и смысл существования троцкистской Революционной рабочей партии и Четвертого Интернационала.

У нынешнего кризиса нет электорального решения, как того требует реформистская СИН/СИРИЗА во главе с Ципрасом. Уже настойчивое требование прямой демократии показывает, что буржуазный парламентаризм исчерпал себя. Перспективу

взятия власти рабочим классом при поддержке городских и сельских пауперизованных масс нельзя откладывать на неопределенное будущее, «до греческих календ», как сталинистская ККЕ. Обе партии официальной левой, – но также и центристская коалиция АНТАРСИА, – привязываются к электоральным перспективам, рассматривая выборы как «главную арену политической борьбы».

Когда пишутся эти строки, новости из Афин извещают, что сегодня, 6 мая, на площади Синтагма собирается более 200 тысяч человек – это, вероятно, крупнейшая демонстрация после падения военной диктатуры в 1974 году. В Греции возникла предреволюционная ситуация. Возмущенные пролетарские и народные массы, с молодежью в передних рядах, уже пришли в движение – с разной скоростью – по всей Европе. Как мы писали в статье, посвященной «арабской весне» (сейчас в печати в журнале Critique), самум, ветер арабских пустынь, дует сегодня на площадях европейской метрополии.

Старый призрак социальной революции, изгоняемый капиталистами и бюрократами, вернулся снова. Он внушает страх всем правителям и несет надежду всем, кого лишили надежд. Старый боевой клич европейской революции 1848 года сегодня становится более актуален, чем когда-либо: **перманентная революция!**
